

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

САНКТУСКИМЪ ВЪЗСЕ ЧОРА, БЪИТОРА ПРАВА

П. Г. РѢДКИНА

ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ИСТОРИЕЙ ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ.

«Всѣмъ мѣстѣ, для права естество».

Русская народная поговорка.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасютичча, Вас. Остр., в линія, 23.

1891.

1775

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Части первой отдѣла пятого продолженіе	1—498
II. Обзорѣніе существеннаго содержанія философскихъ сочиненій Аристотеля (продолженіе)	1—498
1. Логика (окончаніе)	
Г. Топика	1— 45
2. Метафизика	45— 70
3. Физика	70— 80
4. Этика	81—232
5. Политика	232
Часть первая: общая или вводная.	234—498

ЧАСТИ ПЕРВОЙ

ОТДѢЛА ПЯТАГО

Продолженіе.

III. Обзоръніе существеннаго содержанія философскихъ сочиненій Аристотеля.

ОКОНЧАНИЕ ЛОГИКИ:

Г. Топика.

Къ топикѣ мы можемъ перейти логически отъ аналитики такъ: съ окончаніемъ аналитики научная задача логики разрѣшена Аристотелемъ, насколько понятіе, постигнутое человѣческимъ мышленіемъ, возникло изъ непосредственнаго сужденія и затѣмъ—посредствомъ умозаключенія, силлогизма—достигло, наконецъ, той самой высшей ступени своего развитія, на которой стало оно какъ умозрительнымъ сущимъ, такъ и сущностью вещей, какъ предметъ вполнѣ опредѣленнаго, дефиниторнаго знанія, истиннаго, аподиктического, основаннаго на строго-научныхъ доказательствахъ, и въ этомъ смыслѣ доказываемаго или доказательнаго. Такъ закончилась та часть Аристотелевой логики, которую онъ самъ называетъ аналитикой, но которую можно также назвать и аподиктикой, какъ имѣющей своимъ конечнымъ предметомъ именно знаніе аподиктическое, истинное. Но за этою частью слѣдуетъ у Аристотеля та часть, которую самъ онъ въ своей аналитикѣ называетъ дважды топикой, но которую онъ же и тамъ же разъ называетъ и діалектикой, какъ

имѣющей своимъ предметомъ знаніе именно діалектическое, правдоподобное или вѣроятное, въ отличіе отъ аподиктического. Этою частью должна была закончиться вся вообще Аристотелева логика; ибо она и отправлялась отъ той мысли, что Аристотель принципиально отдѣляетъ область *діалектическую*, какъ область простого мнѣнія, отъ задачи и цѣли области *аподиктической*, гдѣ покоится истинное знаніе. Такъ что Аристотелеву логику, какъ состоящую изъ этихъ двухъ частей, можно назвать его теоріею познаванія или познаніемъ познанія вообще, какъ аподиктического, такъ и діалектического.

Такимъ образомъ топика Аристотелева должна была представлять собою такую же противоположность съ аналитикой, какую предполагалъ онъ между діалектикой и аподиктикой.

Приведемъ важное замѣчаніе для уясненія такого значенія топики, дѣлаемое Брандисомъ въ его сочиненіи (*Brandis, „Aristoteles“, Berlin, 1853*).

„Восполненіе очерка наукоученія (излагаемаго въ аналитикѣ) находится въ несомнѣнно подлинномъ сочиненіи Стагирита, въ его топикѣ“.

„Аристотель былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всякое знаніе основывается на преждепознанномъ или извѣстномъ; что оно не зачинается безъ всякаго предположенія, и что оно не образуется, не возникаетъ ни въ силу одного только чистаго мышленія, ни посредствомъ одного только чувственного воспріятія; далѣе, онъ, съ одной стороны, отдѣлилъ аподиктическое и діалектическое доказательство, знаніе и мнѣніе или представленіе, а съ другой стороны, отдаляясь отъ Платона, онъ разсматривалъ ихъ, какъ состоящихъ между собою въ связи, поскольку изъ мнѣнія можетъ и должно развиваться знаніе посредствомъ изслѣдованія основы, причины и показанія его необходимости, подобно тому, какъ и при чувственномъ воспріятіи уже достигается сознаніе всеобщаго, и какъ намъ предстоитъ задача отъ извѣстнаго намъ восходить къ извѣстному самому по себѣ,—вотъ все это и должно было служить поводомъ для Аристотеля обратить свое научное изслѣдованіе на діалектику, какъ на руководство къ пониманію содержащагося въ области представленія и правдоподобнаго, вѣроятнаго“.

„Но къ истиннымъ и самимъ по себѣ вѣрнымъ принци-

памъ или конечнымъ причинамъ знанія можетъ вести только аналитическая, а не діалектическая метода. Діалектика же должна была удовольствоваться тѣмъ, чтобы принимать въ соображеніе, во вниманіе методу вразумленія, поскольку при этомъ дѣло идетъ только объ уясненіи нашихъ представленій и мнѣній“.

Такая-то діалектика и есть по Аристотелю не что иное, какъ тѣ, что обыкновенно называется его *топикой*, т.-е. искусствомъ, относящимся до общихъ мѣстъ (τόποι), loci communes, въ смыслѣ общихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно вообще какъ защищать, такъ и опровергать данныя положенія, чѣмъ и объясняется самое названіе топики. Топика излагается обыкновенно въ девяти книгахъ, подраздѣляющихся на главы, но такъ, что послѣдняя, девятая книга излагается иногда и отдѣльно отъ первыхъ восьми книгъ, подъ особеннымъ заглавіемъ, однакоже всегда только въ формѣ дополненія къ нимъ. Въ такомъ именно порядкѣ и мы изложимъ обзорѣніе существеннаго содержанія всей Аристотелевой топики, начиная съ первой книги и оканчивая девятою книгою.

Въ первой книгѣ содержится введеніе и показывается основаніе предмета, подлежащаго разсмотрѣнію.

Въ первыхъ трехъ главахъ Аристотель говоритъ о содержаніи, цѣли діалектики и о пользѣ занятія ею для умственнаго развитія нашего, а также и о достигаемомъ въ ней научномъ совершенствѣ слѣдующее:

„Цѣль настоящаго изслѣдованія такова: найти методу, при посредствѣ которой можно было бы составлять силлогизмы по всякому встрѣчающемуся вопросу изъ правдоподобныхъ положеній, предложеній и, сверхъ того, выражать свой собственный взглядъ, не впадая въ противорѣчія. Сперва нужно здѣсь показать, что такое силлогизмъ и какъ различаются силлогизмы, дабы можно было отсюда взять силлогизмъ діалектическій: ибо такое-то заключеніе и ищемъ мы при настоящемъ нашемъ разсужденіи. Итакъ силлогизмъ есть такое изложеніе, въ которомъ если будутъ даны извѣстныя предположенія, то изъ нихъ же необходимо слѣдуетъ нѣчто такое, что отъ нихъ отлично. Силлогизмъ называется аподиктическимъ, если онъ будетъ образованъ изъ истинныхъ и первыхъ непосредственныхъ посылокъ,

или же изъ посылокъ, которыя основываются на знаніи непосредственно-выведенномъ изъ такихъ посылокъ. Напротивъ, діалектическимъ силлогизмомъ называется тотъ, который образуется изъ правдоподобныхъ только посылокъ. Безусловно-истиннымъ и непосредственно-первымъ называемъ мы то, что является для насъ какъ нѣчто извѣстное само по себѣ, а не вслѣдствіе чего-либо иного; ибо, имѣя дѣло съ принципами знанія, мы не должны ставить вопроса: *почему?* но мы должны признавать истиннымъ самимъ по себѣ всякій принципъ. Напротивъ, правдоподобное есть то, что кажется истиннымъ всѣмъ или большинству, или разумнѣйшимъ, и въ послѣднемъ случаѣ опять или всѣмъ имъ, или ихъ большинству, а также или извѣстнѣйшимъ, или знаменитѣйшимъ. Силлогизмомъ эристическимъ (въ преніяхъ) называется тотъ, который образуется изъ посылокъ только кажущихся правдоподобными, а не дѣйствительно правдоподобныхъ, а также—тотъ силлогизмъ, который, будучи образованъ изъ посылокъ правдоподобныхъ или только кажущихся правдоподобными, не есть дѣйствительный силлогизмъ, а только кажущійся. Не все, что кажется правдоподобнымъ, есть дѣйствительно правдоподобное. Правдоподобное не показывается таковымъ съ перваго же и какъ бы поверхностнаго взгляда на него, какъ это бываетъ съ принципами эристическаго силлогизма, потому что ложность такихъ принциповъ для тѣхъ, которые сколько-нибудь въ состояніи обзрѣвать что-либо, тотчасъ становится очевидно“.

„Кромѣ упомянутыхъ видовъ силлогизмовъ есть еще силлогизмы, относящіеся до принциповъ, свойственныхъ спеціальнымъ наукамъ: это паралогизмы (буквально значить: ложные силлогизмы). Напримѣръ, когда тотъ, кто дѣлаетъ ложное геометрическое построеніе, выводитъ заключеніе не изъ истинныхъ, непосредственно первыхъ посылокъ и не изъ признаваемыхъ вообще таковыми или правдоподобныхъ, образуя свой силлогизмъ изъ положеній, свойственныхъ наукѣ (геометріи), но ложныхъ; онъ впадаетъ въ паралогизмъ оттого, что онъ или полуокружность, или другія линіи проводить не такъ, какъ бы слѣдовало“.

„Послѣ этого нужно сказать (говорить Аристотель) о всемъ томъ, къ чему это разсужденіе можетъ быть полезно и почему“.

„Оно полезно для упражненія (γυμνασία), для общественных сношеній, для „философскихъ наукъ“.

„Что оно полезно для упражненія—это явствуетъ изъ него самого: если мы будемъ обладать (надлежащею) методою (которая предлагается именно топикою), то все, что будетъ намъ задано, мы будемъ разсматривать съ легкостью. Далѣе, для общественныхъ сношеній: при перечисленіи мнѣній большинства, мы будемъ въ состояніи выражаться согласно не съ чужими, а съ нашими собственными воззрѣніями, умѣя опровергать все, что намъ кажется невѣрнымъ. Для философскихъ наукъ, познаній: будучи въ состояніи вести изслѣдованіе съ обѣихъ сторонъ—*за* и *противъ*, мы легче познаемъ во всемъ истинное и ложное“.

„Предлежащее разсужденіе равнымъ образомъ будетъ служить и къ тому, чтобы найти конечныя причины, основы всякой науки; невозможно изъ конечныхъ причинъ, основъ науки доказывать ее самое, ибо эти-то причины, основы и суть первѣйшее относительно всего прочаго. Поэтому и надобно выяснять принципы относительно всякаго предмета изъ того, что есть только правдоподобнаго. Такимъ образомъ это разсматриваніе есть задача собственно діалектики или, по крайней мѣрѣ, ей преимущественно свойственная. Такъ какъ діалектика направляется къ изысканію и изслѣдованію, то она-то и указываетъ путь къ принципамъ всѣхъ наукъ“.

„Мы будемъ въ совершенствѣ владѣть этою наукою, если мы будемъ владѣть ею такъ, какъ это требуется отъ реторики, врачебнаго искусства и тому подобныхъ отраслей знанія. А именно: это совершенство состоитъ въ томъ, чтобы то, что мы себѣ предполагаемъ, выполнить, насколько это будетъ возможно. Ибо и ораторъ не убѣдитъ всякій разъ безусловно, ни врачъ не исцѣлитъ всякій разъ (непремѣнно). Если только они не упустятъ ничего изъ того, что можно было сдѣлать, то мы говоримъ, что они совершенно владѣютъ своею спеціальностью“.

Потомъ показывается и ближайшимъ образомъ обосновывается (4—9 гл.), что въ діалектическихъ силлогизмахъ всѣ атрибуты, сказуемая, которые могутъ быть приданы субъекту, подлежащему или могутъ быть по отношенію къ нему оспариваемы, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ классамъ: случайное

или случайный признак (συμβεβηδς), родъ (γένος), особенное (ἴδιον) или особенный признак и опредѣленіе (ῥος); такъ что діалектика состоитъ преимущественно въ знаніи и въ навыкѣ, въ обсужденіи и приложеніи этихъ четырехъ классовъ. Далѣе (гл. 5-ая) разъясняется каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія или общихъ мѣстъ (τόποι) и показывается, почему должно разсматривать каждую изъ нихъ, хотя три первые и входятъ въ составъ четвертой, т.-е. опредѣленія, дефиниціи. Въ связи съ этимъ разсматривается вмѣстѣ важное для развитія всѣхъ ихъ понятіе тождества (гл. 7-ая), доказывається, что эти четыре класса, вмѣстѣ взятые, образуютъ единое полное цѣлое (гл. 8-ая), и кратко разсмотрѣны отношенія этихъ четырехъ классовъ къ десяти категоріямъ, какъ такимъ всеобщимъ сказуемымъ, которымъ подчиняется каждый классъ и чрезъ то получаетъ свою особенную опредѣленность (гл. 9-ая).

„Сперва (говоритъ Аристотель) должны мы разсмотрѣть, изъ чего состоитъ діалектика. Если мы найдемъ, какъ много-различно, каково и откуда вообще тѣ, что можетъ быть сказано о предметѣ, и какъ имъ можно ловко пользоваться, то мы достаточно овладѣемъ подлежащимъ матеріаломъ. Тѣ, изъ чего черпаются причины, основы, и тѣ, что составляетъ предметъ силлогизма, тождественно; ибо причины, основы черпаются изъ положеній, предложеній, а предметъ силлогизмовъ составляютъ проблемы. Всякое же положеніе и всякая проблема означаютъ или родъ, или нѣчто исключительно-особенное, или, наконецъ, нѣчто случайно-свойственное. Далѣе, такъ какъ особеннымъ отчасти означается сущность вещи, отчасти имъ не означается, то особенное должно подраздѣлить на эти два вида. Особенное перваго вида слѣдуетъ назвать опредѣленіемъ, дефиниціею; особенное же втораго вида пусть называется просто особеннымъ. Отсюда слѣдуетъ, что все, могущее быть сказаннымъ о предметѣ, должно быть однимъ изъ слѣдующихъ четырехъ понятій, изъ которыхъ образуются положенія, предложенія и проблемы: нѣчто особенное, опредѣленіе, родъ и нѣчто случайно-свойственное предмету“.

„Проблема же и положеніе различаются только своею формою. Если, на примѣръ, мы скажемъ такъ: слова — *живущее на сушѣ двуногое животное* — не составляютъ ли опредѣленія

понятія *человѣкъ*? и слово—*животное* не есть ли родовое понятіе *человѣка*? — то это будутъ положенія, предложенія. Но если мы спросимъ такимъ образомъ: обозначеніе, — двуногое, живущее на сушѣ животное — есть ли опредѣленіе *человѣка*, или же нѣтъ? и есть ли *животное* родовое понятіе *человѣка*, или нѣтъ? То это будутъ проблемы“.

„Опредѣленіе есть связанное соединеніе словъ для обозначенія сущности предмета. Если объясненіе предмета дается только однимъ словомъ, то очевидно, что такимъ образомъ не предлагается опредѣленія предмета; напротивъ, всякое опредѣленіе должно быть предложеніемъ, соединеніемъ многихъ словъ. Конечно, если скажутъ, на примѣръ: прекрасное есть приличное, то это приближается къ опредѣленію; подобнымъ же образомъ — и такіе вопросы: чувственное воспріятіе и знаніе одно ли и тоже, или они различны? Ибо и при собственно такъ-называемыхъ опредѣленіяхъ, дѣло идетъ большею частью о томъ, есть ли нѣчто тоже самое, что и другое, или же нѣтъ. Вообще можно сказать, что все можетъ быть рассматриваемо, какъ относящееся до опредѣленія, что основывается на той же самой научной методѣ, какъ и опредѣленіе; а что это дѣйствуетъ, имѣетъ силу относительно всего сказаннаго—это очевидно“.

„Особенное есть то, что хотя и не содержитъ въ себѣ сущности предмета, однакоже свойственно только этому предмету и находится съ предметомъ въ такой взаимности, что можетъ замѣнять его, какъ и, наоборотъ, можетъ быть имъ замѣняемо. На примѣръ: особенность *человѣка* состоитъ (между прочимъ) въ томъ, что онъ способенъ къ языкознанію; слѣдовательно, если субъектъ есть *человѣкъ*, то этотъ субъектъ способенъ къ языкознанію, и наоборотъ, если субъектъ способенъ къ языкознанію, то онъ есть *человѣкъ*“.

„Родъ есть то, что общаго высказывается о многихъ и различныхъ по виду предметахъ, относительно ихъ существа. На примѣръ, о *человѣкѣ* высказывается, что онъ есть животное. Къ вопросу о родѣ принадлежитъ и вопросъ: есть ли нѣчто однородно съ другимъ предметомъ, или же разнородно. Наприм.: *человѣкъ* и *быкъ* однородны“.

„Случайно-свойственное или акцидентное есть то, что хотя не есть ничто изъ помянутаго до сихъ поръ,—ни опредѣленіе,

ни особенное, ни родъ,—однакоже равнымъ образомъ принадлежить, свойственно предмету; притомъ оно можетъ и принадлежать, и не принадлежать предмету; напимѣрь, свойство, какъ принадлежность, быть бѣлымъ, можетъ разъ принадлежать субъекту, подлежащему, а другой разъ не принадлежать ему“.

О тождествѣ говоритъ Аристотель слѣдующее:

„Надобно различать, въ какихъ различныхъ значеніяхъ многія вещи могутъ быть тождественны. Говоря вообще, тождество можетъ быть троякаго рода: числовое, видовое и родовое. Числовое тождество—то, когда предметы различны только по названію, а по существу они одно и тоже. Напимѣрь: одѣяніе и платье. Видовое тождество—то, когда предметы по числу различны, но принадлежать къ одному и тому же виду; напимѣрь: одна извѣстная лошадь по отношенію къ другой; одинъ извѣстный человѣкъ по отношенію къ другому; точно также тождественное по роду есть то, что содержится въ одномъ и томъ же родѣ; напимѣрь: человѣкъ и лошадь“.

„Теперь надобно показать роды категорій, въ которыхъ встрѣчаются помянутые четыре класса атрибутовъ“.

„Категорій числомъ десять: что; сколько; каково; въ отношеніи въ чему-либо; гдѣ; когда; лежать; находиться; дѣлать; страдать. Всегда въ одной изъ этихъ категорій встрѣчается случайно-свойственное, родъ, исключительно-особенное и опредѣленіе: ибо всѣ предложенія, образованныя по сказаннымъ четыремъ классамъ атрибутовъ, означаютъ или субстанцію, или качество, или количество, или одну какую-либо изъ приведенныхъ категорій. Такъ, опредѣленіе которое выражаетъ, что такое есть предметъ, означаетъ иногда субстанцію, иногда качество, иногда другую категорію. Напимѣрь, когда дѣло идетъ о понятіи *человѣкъ* и скажутъ: это существо есть человѣкъ, или: *человѣкъ* есть животное того или другого качества,—тогда говорятъ, что есть *человѣкъ*, и называютъ это субстанціею. Но когда, напимѣрь, дѣло идетъ о бѣломъ цвѣтѣ, и когда говорятъ: это или то бѣло или имѣетъ такой цвѣтъ, то также высказываютъ, что есть такое-то нѣчто, но этимъ означается тогда качество. Подобнымъ образомъ, когда дѣло идетъ о вещи длиною въ локоть, и скажутъ: эта вещь величиною въ одинъ локоть,—то выражаютъ также, что такое есть эта вещь, но

выраженное означает тогда величину; то же слѣдуетъ сказать и о прочихъ категоріяхъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, выразить ли предметъ вполне самъ себя въ опредѣленіи, или же будетъ показанъ только родъ, къ которому онъ принадлежитъ, то все же всегда будетъ означена субстанція. Но когда выскажется предметъ о самомъ себѣ только въ другой формѣ, такъ что будетъ приписанъ атрибутъ отличному отъ него предмету, то этимъ будетъ обозначена не субстанція, но или величина, или качество, или другая какая-либо категорія. Теперь надобно сказать о томъ, какъ мы можемъ получить предложенія и воспользоваться ими какъ уже готовыми“.

Послѣ этого въ главахъ 10-ой и 11-ой объясняется, что такое діалектическое предложеніе, проблема, тезисъ.

„Сперва слѣдуетъ опредѣлить, что такое діалектическое предложеніе и что такое діалектическая проблема; ибо не всякое предложеніе, положеніе есть діалектическое и не всякая проблема есть діалектическая“.

„Діалектическое предложеніе, положеніе есть вопросъ, кажуційся правдоподобнымъ всѣмъ или большинству людей, или мудрымъ и ученымъ, а въ послѣднемъ случаѣ не кажуційся неправдоподобнымъ ни всѣмъ имъ, ни большинству, ни знаменитѣйшимъ изъ нихъ; ибо что такимъ кажется мудрымъ и ученымъ, это, конечно, будетъ признано, если оно не противно мнѣнію большинства людей“.

„Къ діалектическимъ предложеніямъ, положеніямъ можно причислить и то, что сходно съ правдоподобнымъ и съ признаннымъ всѣми, равно какъ и то, что противоположно всеобщему признанному съ отрицаніемъ; наконецъ, мнѣнія, соотвѣтствующія основоположеніямъ, принципамъ наукъ и искусствъ“.

„Равнымъ образомъ кажутся правдоподобнымъ и отрицаемая противоположность того, что правдоподобно и что соотвѣтствуетъ всеобщему мнѣнію. Если, на примѣръ, соотвѣтствуетъ общественному мнѣнію, что должно дѣлать добро своимъ друзьямъ, то это предложеніе можетъ быть выражено и такимъ образомъ: что имъ не должно дѣлать зла. Противоположное же этому первому предложеніе будетъ слѣдующее: друзьямъ должно дѣлать зло; но съ отрицаніемъ, что имъ не должно причинять зла. Равнымъ образомъ изъ предложенія, что друзьямъ

должно дѣлать добро, слѣдуетъ другое предложеніе, что со врагами не должно такъ поступать. И здѣсь отрицается также противоположное первому предложеніе; противоположность же сама по себѣ, безъ отрицанія, выразилась бы такъ: врагамъ должно дѣлать добро“.

„Какъ правдоподобное должно также признавать при сравненіи противоположное противоположному. Такъ, на примѣръ, если друзьямъ должно дѣлать добро, то врагамъ должно дѣлать зло: предложенія—врагамъ дѣлать добро, и врагамъ причинять зло—являются противоположными одно другому“.

„Діалектической проблемою называется вопросъ, поставленный для его изслѣдованія и относящійся или до практической жизни, или же только до знанія (теоретическаго) и познанія истины, и притомъ какъ самостоятельный, такъ и служащій подтвержденіемъ другого предложенія въ такомъ же родѣ,—вопросъ о томъ, о чемъ или не существуетъ никакого опредѣленнаго мнѣнія, или существуютъ мнѣнія, противоположныя между народомъ и учеными, или же мнѣнія, противоположныя въ самомъ народѣ или между самими учеными. Нѣкоторыя проблемы полезно знать для практической жизни; на примѣръ: есть ли удовольствіе нѣчто доброе или нѣтъ. Другія проблемы интересны только для теоретическаго знанія; на примѣръ: міръ вѣченъ или нѣтъ. Нѣкоторыя проблемы сами по себѣ, непосредственно не представляютъ никакого интереса ни въ практическомъ, ни въ теоретическомъ отношеніяхъ, но онѣ служатъ къ подтвержденію другихъ такихъ предложеній; ибо много есть такого, что мы не хотимъ знать, какъ само по себѣ и для себя, а хотимъ знать для чего-нибудь другого, чтобы узнать что-либо чрезъ посредство другого“.

„Есть также и такія проблемы, относительно которыхъ мы приходимъ ко взаимно-противоположнымъ заключеніямъ. Въ такихъ случаяхъ является сомнѣніе, такъ ли что-либо или не такъ; ибо и для утвержденія, и для отрицанія есть причины, основанія, которыя могутъ быть допущены. Иногда мы не можемъ даже представить причины или основанія и считаемъ, вслѣдствіе огромности предмета, слишкомъ труднымъ сказать, почему что-либо такъ, а не иначе, какъ на примѣръ по во-

просу: вѣченъ ли міръ или нѣтъ, — ибо намъ хотѣлось бы производить изысканія и о такихъ предметахъ“.

Самъ Аристотель въ своей физикѣ изслѣдуетъ этотъ вопросъ о вѣчности міра.

„Тезисомъ называется парадоксальное, отклоняющееся отъ обыкновеннаго мнѣнія воззрѣніе какого-либо знаменитаго философа, какъ напр. тезисъ Гераклита: „все движется“. Если же незначительный и совершенно заурядный человѣкъ выскажетъ что-либо противное общему мнѣнію, то не стоитъ труда объ этомъ заботиться. Независимо отъ значенія, достоинства автора, къ числу тезисовъ принадлежитъ также причина, основа, которую мы можемъ привести о воззрѣніи, противорѣчащемъ обыкновенному мнѣнію, какъ напр. софисты говорятъ: не все существующее или возникло, или вѣчно; ибо если кто, будучи музыкантомъ, будетъ вмѣстѣ и грамматикомъ, то здѣсь быть грамматикомъ не есть ни нѣчто возникшее, ни нѣчто вѣчное. Это предложеніе, положеніе, если оно и не будетъ принято, все же однако является, въ силу приведенной причины, основы, достойнымъ вѣроятія. Итакъ, всякій тезисъ есть проблема, но не всякая проблема есть тезисъ: есть такія проблемы, относительно которыхъ не существуетъ общаго мнѣнія ни въ какомъ значеніи, ни утверждающаго, ни отрицающаго. Но что всякая проблема есть тезисъ — это ясно; ибо изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ, что большинство бываетъ различнаго мнѣнія съ учеными или ученые различнаго мнѣнія между собою, потому что вообще тезисъ всякій разъ долженъ содержать въ себѣ парадоксальное мнѣніе. Правда, теперь называютъ всѣ безъ различія спорныя положенія, о которыхъ ведутъ пренія, *тезисами*“.

„Впрочемъ нѣтъ надобности изслѣдовать всякую проблему и всякій тезисъ надобно изслѣдовать только такіе проблемы и тезисы, относительно которыхъ дѣйствительно можно имѣть разумное сомнѣніе, а не такіе, которые требуютъ скорѣе исправительнаго наказанія, или только обыкновеннаго употребленія (для ихъ изслѣдованія) внѣшнихъ чувствъ — спрашивающимъ: бѣлъ ли снѣгъ или нѣтъ, — стоитъ только прибѣгнуть (для отвѣта) къ своему чувству (зрѣнію). Тѣ же, которые, напримѣръ, поставятъ вопросъ, какъ предметъ сомнѣнія и научнаго спора:

должно ли почитать боговъ и любить своихъ родителей, заслуживаютъ наказанія и никакого дальнѣйшаго разьясненія“.

Въ 12-ой и 13-ой главахъ указывается сущность силлогизма и индукціи, какъ двухъ путей, служащихъ и въ діалектикѣ для вывода доказательства.

„Чтобы при преніяхъ показать причину, основаніе чего-либо, существуетъ два способа: *индукція* и *силлогизмъ*.”

„Что такое силлогизмъ — мы уже сказали; индукція же есть восхожденіе отъ единичнаго ко всеобщему. Для убѣжденія другихъ индукція годнѣе и яснѣе, а также ближе къ чувственному воспріятію и болѣе общеупотребительна; силлогизмъ же понудительнѣе и сильнѣе для опроверженія возраженій“.

„Для приобрѣтенія навыка въ пользованіи силлогизмами и индукціею есть четыре слѣдующихъ вспомогательныхъ средства. Первое средство состоитъ въ нахожденіи (годныхъ для преній) надлежащихъ положеній; второе — въ знаніи различныхъ значеній, въ которыхъ можно употребить одно и то же слово; третье — въ открытіи различій и четвертое въ разсматриваніи сходствъ. Три послѣднихъ средства состоятъ нѣкоторымъ образомъ также въ нахожденіи положеній, такъ что во всѣхъ этихъ случаяхъ можно составлять положенія. Напримѣръ: вождельное есть или доброе, или пріятное, или полезное; или: вождельное отличается отъ знанія тѣмъ, что, потерявъ послѣднее, можно опять приобрѣсть его, чего нельзя сказать о вождельномъ. Наконецъ: здоровое относится къ здоровью подобно тому, какъ благопріятствующее тѣлесной организаціи относится къ тѣлесной организаціи. Первое положеніе въ этихъ примѣрахъ относится до того, что сказывается въ различныхъ значеніяхъ; второе — до различій, и третье — до сходства“.

Въ главахъ 14, 15, 16 и 17-ой разсматриваются всѣ эти средства, орудія въ отдѣльности.

Въ главѣ 14-ой говорится о нахожденіи подлежащихъ предположеній слѣдующее:

„Для посылокъ при препіяхъ должно избирать или изъ общепринятыхъ мнѣній, или изъ мнѣній большинства людей, или изъ мнѣній мудрыхъ и ученыхъ; а въ послѣднемъ случаѣ — или изъ мнѣній, принятыхъ всѣми ими, или знаменитѣйшихъ между ними; далѣе, — изъ такихъ мнѣній, которыя противопо-